

ВИКТОР

ГЮГО

***ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ
ГОД***

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Виктор Мари Гюго
Девяносто третий год

«ФТМ»
«Издательство АСТ»

1874

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Гюго В.

Девяносто третий год / В. Гюго — «ФТМ», «Издательство АСТ»,
1874 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-154611-3

Самый исторически достоверный и драматичный роман Гюго, словно наяву переносящий читателя то в буйный, кипучий революционный Париж, то в мятежную бретонскую Вандею, где роялистские партизаны-шуаны превратили каждый лес, лог и болото в смертельную ловушку для французских солдат. Именно в Вандее разворачивается захватывающая история принявшего командование над шуанами маркиза де Лантенака, его внука — офицера-республиканца, юного идеалиста Говэна — и наставника и практически отца осиротевшего юноши — фанатичного комиссара Симурдэна...

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-154611-3

© Гюго В., 1874

© ФТМ, 1874

© Издательство АСТ, 1874

Содержание

Часть первая. В море	6
Книга первая. Содрейский лес	6
Книга вторая. Корвет «Клеймор»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктор Гюго

Девяносто третий год

© Перевод. Н. М. Жаркова, наследники, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Часть первая. В море

Книга первая. Содрейский лес

В последних числах мая 1793 года один из парижских батальонов, отправленных в Бретань под началом Сантерра, вел разведку в грозном Содрейском лесу близ Астилле. Около трехсот человек насчитывал теперь этот отряд, больше чем наполовину растаявший в горниле суровой войны. То было в дни, когда после боев под Аргонном, Жемапом и Вальми в первом парижском батальоне из шестисот волонтеров осталось всего двадцать семь человек, во втором – тридцать три и в третьем – пятьдесят семь человек. Памятная година героических битв.

Во всех батальонах, посланных из Парижа в Вандею, было девятьсот двенадцать человек. Каждому батальону придали по три орудия. Сформировали их в спешном порядке. 25 апреля, в бытность Гойе министром юстиции и Бушотта военным министром, секция Бон-Консейль предложила послать в Вандею несколько батальонов волонтеров; член Коммуны Любен сделал соответствующее представление; первого мая Сантерр уже мог направить к месту назначения двенадцать тысяч солдат, тридцать полевых орудий и батальон канониров. Эти батальоны, сформированные столь молниеносно, оказались столь удачно сформированными, что и поныне еще служат образцом при определении состава линейных рот; именно тогда впервые изменилось традиционное соотношение между числом солдат и числом унтер-офицеров.

Двадцать восьмого апреля Коммуна города Парижа дала своим волонтерам краткий наказ: «Ни пощады, ни снисхождения!» К концу мая из двенадцати тысяч человек, покинувших Париж, восемь тысяч пали в бою.

Батальон, углубившийся в Содрейский лес, готов был к любым неожиданностям. Продвигались не торопясь. Зорко смотрели по сторонам направо и налево, вперед и назад; недаром Клебер говорил: «У солдата и на затылке глаза есть». Шли уже давно. Сколько могло быть времени? День сейчас или ночь? Трудно сказать, ибо в здешних глухих чащах безраздельно господствует вечерняя мгла, и в Содрейском лесу вечно разлит полумрак.

Трагическую славу стяжал себе Содрейский лес. Здесь, среди лесных зарослей, в ноябре 1792 года свершилось первое злодеяние гражданской войны. Из губительных дебрей Содрея вышел свирепый хромец Мускетон; длинный перечень убийств, совершенных в здешних трюцобах, вызывает невольную дрожь. Нет на всем свете места страшнее. Углубляясь в лес, солдаты держались настороже. Все было в цветенье; приходилось пробираться сквозь трепещущую завесу ветвей, изливавших сладостную свежесть молодой листвы; солнечные лучи лишь местами пронизывали зеленую мглу; под ногой шпажник, касатик, полевые нарциссы, весенний шафран, безыменные цветочки – предвестники тепла словно шелковыми нитями и позументом расцвечивали пышный ковер трав, куда вплетался разнообразным узором мох: здесь он рассыпал свои звездочки, там извивался зелеными червячками. Солдаты шагали медленно в полном молчании, с опаской раздвигая кустарник. Над остриями штыков щебетали птицы.

В гуще Содрейского леса некогда, в мирные времена, устраивались ночные охоты на пернатых, ныне здесь шла охота на людей.

Стеной стояли березы, вязы и дубы; под ногами расстилалась ровная земля; густая трава и мох поглощали шум человеческих шагов; ни тропинки, а если и встречалась случайная тропка, то тут же пропадала; заросли остролиста, терновника, папоротника, шпалеры колючего стельника – и в десяти шагах невозможно разглядеть человека.

Пролетавшие иногда над шатром ветвей цапля или водяная курочка указывали на близость болота.

А люди шли. Шли навстречу неизвестности, со страхом и тревогой поджидая появления того, кого искали сами.

Время от времени попадались следы привала: выжженная земля, примятая трава, наспех сбитый из палок крест, груды окровавленных ветвей. Вот там готовили ужин, тут служили мессу, там перевязывали раненых. Но люди, побывавшие здесь, исчезли бесследно. Где они сейчас? Может быть, уже далеко? Может быть, совсем рядом, залегли в засаде с мушкетонам в руке? Лес словно вымер. Батальон двигался вперед с удвоенной осмотрительностью. Безлюдье – верный знак опасности. Не видно никого – тем больше оснований остерегаться. Недаром о Содрейском лесе ходила дурная слава.

В таких местах всегда возможна засада.

Тридцать гренадеров, посланные лазутчиками под командой сержанта, ушли далеко от основной части отряда. С ними отправилась и батальонная маркитантка. Маркитантки вообще охотно следуют за головным отрядом. Пусть на каждом шагу подстерегает опасность, зато чего только не насмотришься... Любопытство – одно из проявлений женской храбрости.

Вдруг солдаты маленького передового отряда почувствовали тот знакомый охотнику трепет, который предупреждает его о близости звериного логова. Будто слабое дуновение пронеслось по ветвям кустарника, и, казалось, что-то шевельнулось в листве. Идущие впереди подали знак остальным.

Офицеру не для чего командовать действиями лазутчика, когда выслеживание сочетается с поиском; то, что должно быть сделано, делается само собой.

В мгновение ока подозрительное место было окружено и замкнуто в кольцо вскинутых ружей: черную глубь чащи взяли на прицел со всех четырех сторон, и солдаты, держа палец на курке, не отрывая глаз от цели, ждали лишь команды сержанта.

Но маркитантка отважно заглянула под шатер ветвей, и, когда сержант уже готов был отдать команду «пли!», – раздался ее крик: «Стой!»

Затем, повернувшись к солдатам, она добавила: «Не стреляйте, братцы».

Она нырнула в кусты. Солдаты последовали за ней.

И впрямь там кто-то был.

В самой гуще кустарника на краю круглой ямы, где лесорубы, как в печи, пережигают на уголь старые корневища, в просвете расступившихся ветвей, словно в зеленой горнице, полускрытой, как альков, завесою листвы, сидела на мху женщина; к ее обнаженной груди припал младенец, а на коленях у нее покоились две белокурые головки спящих детей.

Это и была засада!

– Что вы здесь делаете? – воскликнула маркитантка.

Женщина молча подняла голову.

– Вы, видно, с ума сошли, что сюда забрались! – гневно воскликнула маркитантка. И она заключила: – Еще минута, и вас бы на месте убили!.. – Повернувшись к солдатам, она пояснила: – Это женщина!

– Будто сами не видим! – отозвался кто-то из гренадеров.

А маркитантка все не унималась:

– Пойти вот так в лес, чтобы тебя тут же убили, – надо ведь такую глупость придумать!

Женщина, оцепенев от страха, с изумлением, словно спросонья, глядела на ружья, сабли, штыки, на свирепые физиономии.

Дети проснулись и захныкали.

– Мне есть хочется, – сказал один.

– Мне страшно, – сказал второй.

Лишь младенец продолжал спокойно сосать материнскую грудь.

К нему-то и обратилась маркитантка:

– Только ты один у нас молодец.

Мать онемела от ужаса.

– Да не бойтесь вы, – крикнул ей сержант, – мы из батальона Красный Колпак!

Женщина задрожала всем телом. Она робко взглянула на сержанта: на этом суровом лице выделялись лишь густые усы, густые брови и пылавшие, как уголья, глаза.

– Бывший батальон Красный Крест, – пояснила маркитантка.

А сержант добавил:

– Ты кто такая, сударыня, будешь?

Женщина, застыв от ужаса, не спускала с него глаз. Она была худенькая, бледная, еще молодая, в жалком рубище; на голову она, как все бретонские крестьянки, накинула огромный капюшон, а на плечи шерстяное одеяло, подвязанное у шеи веревкой. С равнодушием дикарки она даже не потрудилась прикрыть голую грудь. На избитых в кровь ногах не было ни чулок, ни обуви.

– Видать, нищенка? – решил сержант.

В разговор снова вмешалась маркитантка, и хотя ее вопрос прозвучал по-солдатски грубо, в нем чувствовалась женская мягкость.

– Как звать-то?

Женщина невнятно пробормотала в ответ:

– Мишель Флешар.

А маркитантка тем временем ласково гладила шершавой ладонью головку младенца.

– Сколько же нам времени? – спросила она.

Мать не поняла вопроса. Маркитантка повторила:

– Я спрашиваю: сколько ему?

– А, – ответила мать. – Полтора годика.

– Смотрите, какие мы взрослые! – воскликнула маркитантка. – стыдно такому сосать.

Придется, видно, мне отучать его от груди. Мы ему супу дадим.

Мать немного успокоилась. Двое старших ребятишек, которые тем временем уже успели окончательно проснуться, смотрели вокруг с любопытством, забыв о недавнем испуге. Уж очень были пышны плюмажи у гренадеров.

– Ах, – вздохнула мать, – они совсем изголодались. – И добавила: – Молоко у меня пропало.

– Еды им сейчас дадут, – закричал сержант, – да и тебе тоже. Не о том речь. Ты скажи нам, какие у тебя политические убеждения?

Женщина молча смотрела на сержанта.

– Ты что, не слышишь, что ли?

Она пробормотала:

– Меня совсем молодой в монастырь отдали, а потом я вышла замуж, я не монахиня.

Святые сестры научили меня говорить по-французски. Нашу деревню сожгли. Вот мы и убежали в чем были, я даже башмаков надеть не успела.

– Я тебя спрашиваю: каковы твои политические убеждения?

– Не знаю.

Но сержант не унимался:

– Пойми ты, сейчас много шпионов развелось. А шпионов расстреливают. Поняла?

Потому отвечай. Ты не цыганка? Где твоя родина?

Женщина глядела на сержанта, будто не понимая его слов. Сержант повторил:

– Где твоя родина?

– Не знаю, – ответила женщина.

– Как так не знаешь? Не знаешь, откуда ты родом?

– Где родилась? Знаю.

– Ну, так и говори, где родилась.

Женщина ответила:

– На ферме Сискуаньяр в приходе Азэ.

Тут пришла очередь удивляться сержанту. Он на минуту замолк. Потом переспросил:

– Как ты сказала?

– Сискуаньяр.

– Так разве твой Сискуаньяр – родина?

– Да, это мой край.

И женщина, подумав с минуту, сказала:

– Теперь я поняла, сударь. Вы из Франции, а я из Бретани.

– Ну и что?

– Это ведь разные края.

– Но родина-то у нас одна! – закричал сержант.

Женщина упрямо повторила:

– Из Сискуаньяра мы.

– Ну, ладно, Сискуаньяр так Сискуаньяр! – подхватил сержант. – Твоя семья оттуда?

– Да.

– А что делают твои родные?

– Умерли все! У меня никого нет.

Сержант, видимо, любитель поговорить, продолжал допрос:

– У всех есть родные или были, черт возьми. Ты кто такая? А ну, говори скорее.

Женщина слушала оцепенев эти «или были», похожие более на звериное рычание, чем на человеческую речь.

Маркитантка поняла, что пришло время снова вмешаться в беседу. Она погладила по головке грудного младенца и ласково похлопала по щекам двух старших.

– Как зовут крошку? – спросила она. – По-моему, она у нас девица.

Мать ответила:

– Жоржетта.

– А старшего? Этот сорванец, видать, кавалер.

– Рене-Жан.

– А младшего? Ведь и он тоже настоящий мужчина, гляди, какой щекастый.

– Гро-Алэн, – ответила мать.

– Хорошенькие детки, – заметила маркитантка, – посмотрите только, какие важные.

Но сержант не унимался:

– Отвечай-ка, сударыня. Дом у тебя есть?

– Был дом.

– Где был?

– В Азэ.

– А почему ты дома не сидишь?

– Потому что его сожгли.

– Кто сжег?

– Не знаю. Война сожгла.

– Откуда ты идешь?

– Оттуда.

– А куда идешь?

– Не знаю.

– Говори толком. Кто ты?

– Не знаю.

– Не знаешь, кто ты?

– Да просто бежим мы, спасаемся.

– А какой партии ты сочувствуешь?

– Не знаю.

– Ты синяя? Белая? С кем ты?

– С детьми.

Наступило молчание. Его нарушила маркитантка.

– А вот у меня детей нет, – вздохнула она. – Все некогда было.

Сержант снова приступил к допросу:

– А родители твои? А ну-ка, сударыня, доложи нам о твоих родителях. Меня вот, к примеру, звать Радуб, сам я сержант, с улицы Шерш-Миди, мать и отец у меня были, я могу сказать, кто такие мои родители. А ты о своих скажи. Говори, кто были твои родители?

– Флешары. Просто Флешары.

– Флешары – это Флешары, а Радубы – это Радубы. Но ведь у человека не только фамилия есть. Чем они занимались, твои родители? Что делали? Что сейчас подельывают? Что они такого нафлешарничали, твои Флешары?

– Они пахари. Отец был калека и не мог работать, после того как сеньор приказал избить его палками; так приказал сеньор, его сеньор, наш сеньор; он, сеньор, у нас добрый, велел избить отца за то, что отец подстрелил кролика, а ведь за это полагается смерть, но сеньор наш помиловал отца, он сказал: «Хватит с него ста палок», – и мой отец с тех пор и стал калекой.

– Ну, а еще что?

– Дед мой был гугенотом. Господин кюре сослал его на галеры. Я тогда еще совсем маленькая была.

– Дальше?

– Свекор мой контрабандой занимался – соль продавал. Король велел его повесить.

– А твой муж чем занимался?

– Сейчас воевал.

– За кого?

– За короля.

– А еще за кого?

– Конечно, за своего сеньора.

– А еще за кого?

– Конечно, за господина кюре.

– Чтобы вас всех громом порасшибало! – вдруг заорал один из гренадеров.

Женщина подскочила от страха.

– Видите ли, сударыня, мы парижане, – любезно пояснила маркитантка.

Женщина в испуге сложила руки и воскликнула:

– О Господи Иисусе!

– Ну-ну, без суеверий! – прикрикнул сержант.

Маркитантка опустилась рядом с женщиной на траву и усадила к себе на колени старших детей, которые охотно к ней пошли. У ребенка переход от страха к полному доверию совершается в мгновение ока и без всяких видимых причин. Тут действует какое-то непогрешимое внутреннее чутье.

– Бедняжка вы моя, бретоночка, детки у вас такие милые, просто прелесть. Сейчас скажу, сколько им лет. Вот тому, что побольше, – четыре годочка, а младшему – три. А девица эта, смотри, как сосет, сразу видать – знатная обжора. Ах ты, чудовище этакое! Ты так свою мамашу совсем скушаешь. Вот что, сударыня, вы ничего не бойтесь. Вступайте-ка в наш батальон. Будете вроде меня. Зовут меня Гусарша. Это мое прозвище. Но по мне уж лучше Гусаршей зовите, чем мамзель Двурогой, как мою матушку. Я маркитантка, а маркитантками зовут тех, кто разносит воду, когда кругом стреляют и убивают. Хоть тут все на свете перевернись. У нас с вами одинаковая нога, я вам свои башмаки подарю. Десятого августа я была в Париже и

подавала напиток самому Вестерману. Ну, доложу я вам, было дело! Видела своими глазами, как гильотинировали Людовика Шестнадцатого, Луи Капета, так его теперь называют. Ух, и не хотелось же ему помирать! Да слушайте вы меня, черт возьми! Подумать только, еще тринадцатого января жарили ему каштаны, а он сидел со своим семейством да посмеивался! Когда его силком уложили «на доску», как у нас в Париже говорят, он был без сюртука и туфель, только в сорочке, в пикейном жилете, в серых шерстяных штанах и в серых шелковых чулках. Своими глазами видела. Карета, в которой его везли, была выкрашена в зеленый цвет... Послушайте меня, идите с нами, у нас в батальоне все славные ребята, будете маркитанткой номер второй, я вас живо делу научу. Нет ничего проще, – дадут тебе большую флягу и колокольчик, а ты расхаживай себе спокойно, ступай в самое пекло. Пули летают, пушки ухают, шум стоит адский, а ты знай кричи: «А ну, сынки, кому пить охота, а ну?» Говорю вам, дело немудреное. Я, например, всем подряд пить подаю. Ей-богу, правда. И синим и белым, хотя сама-то я синяя. И самая настоящая синяя. А пить вот всем подаю. Ведь каждому раненому пить охота. Умирают-то все, и синие и белые, без различия убеждений. Перед смертью людям надо бы помириться. Нелепое это занятие – драться. Идите с нами. Если меня убьют, дело к вам перейдет. Вы по виду не судите, я женщина не злая, и солдат из меня неплохой бы вышел. Не бойтесь ничего.

Когда маркитантка закончила свою речь, женщина пробормотала:

– Нашу соседку звали Мари-Жанна, а нашу служанку звали Мари-Клод.

Тем временем сержант Радуб отчитывал гренадера:

– Молчал бы ты! Видишь, даму совсем напугал. Разве при дамах можно чертыхаться?

– Да ведь честному человеку такие слова слушать – прямо нож в сердце, – оправдывался гренадер, – легче на месте помереть, чем этими самыми чудищами заморскими любоваться: отца сеньор искалечил, ихнего дедушку из-за кюре сослал на галеры, ихнего свекра король повесил, а они, дуры башки, сражаются, устраивают мятежи, готовы дать себя уложить ради своего сеньора, кюре и короля!

Сержант скомандовал:

– В строю не разговаривать!

– Мы и так не разговариваем, сержант, – ответил гренадер, – да все равно с души воротит смотреть, как такая миленькая женщина сама лезет под пули в угоду какому-то попу!

– Гренадер, – оборвал его сержант, – мы здесь не в клубе секции Пик. Не разглаговльствуйте.

Он снова повернулся к женщине:

– А где твой муж, сударыня? Что он подельывает? Что с ним случилось?

– Ничего не случилось, потому что его убили.

– Где убили?

– В лесу.

– Когда убили?

– Третьего дня.

– Кто убил?

– Не знаю.

– Не знаешь, кто твоего мужа убил?

– Нет, не знаю.

– Синие убили? Белые убили?

– Ружье убило.

– Третьего дня, говоришь?

– Да.

– А где?

– Около Эрне. Мой муж упал. Вот и все.

- А когда твоего мужа убили, ты что стала делать?
- Пошла с детьми.
- Куда?
- Куда глаза глядят.
- Где спишь?
- На земле.
- Что ешь?
- Ничего.

Он скорчил классическую солдатскую гримасу, вздернув пышные усы к самому носу.

- Совсем ничего?
- Ежевику рвали, терн прошлогодний, он еще кое-где на кустах уцелел, чернику ели, побеги папоротника.
- Так. Выходит, что ничего.

Старший мальчик, поняв, очевидно, о чем идет речь, повторил: «Есть хочу».

Сержант вытащил из кармана краюху хлеба – свое дневное довольствие – и протянул ее женщине. Она разломала краюху пополам и дала по куску старшим детям. Те с жадностью принялись уплетать хлеб.

- А себе не оставила, – проворчал сержант.
- Потому что не голодна, – сказал солдат.
- Потому что мать, – сказал сержант.

Мальчики перестали жевать.

- Пить хочу! – сказал один.
- Пить хочу! – сказал другой.
- А в этом чертовом лесу даже ручья нет! – воскликнул сержант.

Маркитантка сняла медную чарку, висевшую у нее на поясе рядом с колокольчиком, отвернула крышку жбана, который она носила через плечо, нацедила несколько капель и поднесла чарку к губам ребенка.

Старший выпил и скорчил гримасу.

Младший выпил и сплюнул.

- А ведь какая вкусная, – сказала маркитантка.
- Ты чем их попотчевала, водкой, что ли? – осведомился сержант.
- И еще какой, самой лучшей! Да ведь они деревенщина.

И она вытерла чарку.

Сержант снова приступил к делу:

- Значит, сударыня, спасаешься?
- Пришлось.
- Бежишь, стало быть, напрямик через поля?
- Сперва я бежала, сколько хватило сил, потом пошла, а потом свалилась.
- Ох вы, бедняжка, – вздохнула маркитантка.
- Люди всё дерутся, – пробормотала женщина. – Кругом, куда ни погляди, всюду стреляют. А я не знаю, чего кто хочет. Мужа моего убили. Вот это я поняла.

Сержант звучно ударил прикладом о землю и сердито прокричал:

- Ну и гадина эта война, прах ее возьми!

Женщина продолжала:

- Прошлую ночь мы в дуплине спали.
- Все четверо?
- Все четверо.
- Спали?
- Спали.

– Спали, – повторил сержант, – стоя спали. – И он повернулся к солдатам: – Ребята, здешние дикари называют дуплиной большое такое дуплистое дерево, куда человек может втиснуться, словно в ножны. Да с них какой спрос. Ведь не парижане.

– Спать в дупле, – повторила маркитантка, – и еще с тремя ребятами!

– А когда малыши рев поднимали, – промолвил сержант, – вот прохожие, должно быть, дивились, никого вроде не видно, – стоит дерево и кричит: «Папа, мама».

– Слава богу, сейчас хоть лето, – вздохнула женщина.

Она опустила долу покорный взгляд, и в глазах ее отразилось бесконечное удивление перед непостижимым бременем катастроф.

Солдаты молча стояли вокруг, ошеломленные зрелищем беды.

Вдова, трое маленьких сироток, бегство, растерянность, одиночество; война, с грозным рыком обложившая весь горизонт; голод, жажда, единственная пища – трава, единственный кров – небо!

Сержант подошел поближе к женщине и поглядел на девочку, прижавшуюся к материнской груди. Малышка выпустила изо рта сосок, повернула головку, уставилась красивыми синими глазками на страшную, мохнатую физиономию, склонившуюся над ней, и вдруг улыбнулась.

Сержант быстро выпрямился, крупная слеза проползла по его щеке и, словно жемчужина, повисла на кончике уса.

– Товарищи, – громко произнес он, – из всего вышесказанного выходит, что батальону не миновать стать отцом. Как же мы поступим? Возьмем да и усыновим трех малышек.

– Да здравствует Республика! – прокричали гренадеры.

– Решено, – заключил сержант.

И он простер руки над матерью и детьми.

– Значит, – сказал он, – отныне это дети батальона Красный Колпак.

Маркитантка даже подпрыгнула от радости и воскликнула:

– Под одним колпаком три головки!

Потом вдруг зарыдала в голос, горячо поцеловала бедняжку вдову и проговорила:

– А маленькая-то уже и сейчас, видать, шалунья!

– Да здравствует Республика! – снова крикнули гренадеры.

Сержант повернулся к матери:

– Пойдемте, гражданка.

Книга вторая. Корвет «Клеймор»

І. Англия и Франция в смешении

Весной 1793 года, в те дни, когда враги яростно рвались к границам Франции, а сама Франция находила трагическую усладу в падении жирондистов, вот что происходило в Ла-Маншском архипелаге.

Первого июня, приблизительно за час до захода солнца, на острове Джерсей, в маленькой пустынной бухточке Боннюи, готовился к отплытию корвет под прикрытием тумана, верного покровителя беглецов, коль скоро он опасный враг мирных мореплавателей. Судно это, обслуживаемое французским экипажем, числилось в составе английской флотилии, которая несла службу охраны у восточной оконечности острова. Английской флотилией командовал принц Латур Овернский, из рода герцогов Бульонских, и именно по его приказу корвет был отряжен для выполнения важного и спешного поручения.

Этот корабль, значившийся в списках английского морского ведомства под названием «Клеймор», на первый взгляд казался обычным транспортным судном, хотя в действительности являлся военным корветом. По виду это было прочное, тяжеловесное торговое судно, но горе тому, кто доверился бы внешним приметам. При постройке «Клеймора» преследовалась двоякая цель – хитрость и сила: если возможно – обмануть, если необходимо – драться. Чтобы успешно справиться с предстоящей задачей, обычный груз заменили тридцатью крупнокалиберными каронадами, занявшими все межпалубное пространство. В предвидении непогоды, а вернее, стремясь придать корвету мирное обличье торгового судна, все тридцать орудий принайтовили, или, проще говоря, прикрепили тройными цепями, причем жерла их упирались в закрытые ставни портов; самый зоркий глаз не обнаружил бы ничего подозрительного, тем более что окна и люки тоже были задраены; корвет словно надел на себя маску. Каронады помещались на лафетах с бронзовыми колесами старинного образца – со спицами. Как правило, на военных корветах орудия размещаются лишь на верхней палубе, однако «Клеймор», предназначенный для внезапных нападений и засад, не имел открытой батареи, но, как мы уже говорили, мог нести целую батарею на нижней палубе. При своих внушительных размерах и относительной тяжеловесности «Клеймор» был достаточно быстроходен и среди всех прочих судов английского флота славился прочностью корпуса, так что в бою стоил целого фрегата, хотя его низкая бизань-мачта несла только одну бизань. Руль, редкой по тем временам, замысловатой закругленной формы, – творение саутгемптонских верфей, – обошелся в пятьдесят фунтов стерлингов.

Экипаж «Клеймора» сплошь состоял из французских офицеров-эмигрантов и французских матросов-дезертиров. Людей отбирали тщательно: каждый принятый на борт корвета должен был быть хорошим моряком, хорошим солдатом и хорошим роялистом. Каждый был трижды фанатиком – фанатически преданным корвету, шпаге и королю.

На случай высадки экипажу корвета придали полубатальон морской пехоты.

Корветом командовал граф дю Буабертло, один из лучших офицеров старого королевского флота, кавалер ордена Святого Людовика; его старшим помощником был шевалье де Ла Вьевиль, который командовал той самой гвардейской ротой, где Гош начинал свою службу в качестве сержанта; лоцманом был самый опытный из всех лоцманов Джерсея – Филипп Гакуаль.

По всему чувствовалось, что корвету предстояло совершить нечто из ряда вон выходящее. Недаром «Клеймор» принял на борт человека, который явно готовился к рискованному предприятию. То был высокий, еще крепкий старик, не согбенный годами, с суровым лицом,

которое казалось и юным и старческим одновременно, и трудно поэтому было определить его возраст; пусть такому человеку много лет, зато у него много сил, пусть поседели виски, зато глаза мечут молнии; сорок – по богатырскому сложению и восемьдесят – по властной осанке. В ту минуту, когда новый пассажир ступил на палубу, ветер отогнул край его плаща и открыл взорам широкие штаны, гетры и куртку из козьей шкуры густым всклокоченным мехом внутрь, расшитую по коже позументом, – традиционный наряд бретонского крестьянина. Такие куртки в Бретани раньше носили и в будни и в праздники, смотря по надобности, выворачивая наружу то мехом, то расшитой стороной, так что простая овчина становилась в воскресенье праздничным нарядом. Чтобы довершить сходство с крестьянской одеждой, костюм старика был с умыслом потерт на локтях и коленях и выглядел заношенным, а плащ из грубой ткани походил на обычное рубище рыбака. Голову старика венчала круглая, по моде того времени, шляпа с высокой тульей и широкими полями; при желании ее можно было носить и на крестьянский и на военный манер – в первом случае поля опускались, а во втором достаточно было приподнять один край и пристегнуть к тулье петлицей с кокардой. Сейчас шляпа была надета на крестьянский лад, без кокарды и петлицы.

Лорд Балькаррас, губернатор острова, и принц де Латур Овернский лично сопровождали старика на корабль. Тайный агент эмигрантской знати, некто Желамбр, состоявший прежде в охране графа д'Артуа, самолично следил за уборкой каюты для нового пассажира и, пренебрегши своим благородным происхождением, протер внимание и заботливость до того, что сам нес за стариком его саквояж. Отбывая обратно на сушу, г-н де Желамбр склонился перед этим крестьянином в низком поклоне; лорд Балькаррас сказал ему: «Желаю успеха, генерал», а принц Овернский добавил: «До скорой встречи, кузен!»

Матросы «Клеймора» тут же окрестили нового пассажира Мужиком, и это прозвище то и дело повторялось в тех обрывистых фразах, которые заменяют морякам беседу, но кто он, откуда взялся и зачем попал на судно, оставалось им неизвестно; однако они быстро поняли, что этот Мужик такой же мужик, как их корвет – торговое судно.

Ветра почти не было. «Клеймор» вышел из бухты Боннюи, миновал Булэй-Бэй и некоторое время, прежде чем взять курс в открытое море, шел в виду берега; затем, постепенно уменьшаясь в размерах, судно исчезло во мраке.

Час спустя, вернувшись к себе в Сент-Элье, Желамбр отправил с саутгемптонским курьером в штаб-квартиру герцога Йоркского следующие строки, адресованные графу д'Артуа:

«Ваше высочество, отъезд состоялся. Успех обеспечен. Через неделю все побережье от Гранвиля до Сен-Мало будет объято пламенем».

А за четыре дня до того тайный эмиссар вручил депутату от Марны гражданину Приеру, прикомандированному с особыми полномочиями к Шербургской береговой армии и квартирующему в Гранвиле, послание, написанное той же рукой, что и первое, и гласившее:

«Гражданин депутат, 1 июня, с началом прилива, снимается с якоря военный корвет «Клеймор», несущий на себе батарею, скрытую на нижней палубе, цель его плавания – высадить на французский берег некоего человека, чьи приметы приводятся ниже: рост высокий, возраст пожилой, волосы седые, одежда крестьянская, руки аристократические. Завтра постараюсь сообщить более точные сведения. Высадка намечена на утро 2 июня. Поставьте в известность эскадру, захватите корвет, прикажите гильотинировать вышеозначенного человека».

II. Мрак сгущается вокруг корабля и пассажира

Вместо того чтобы идти на юг и держать путь на Сент-Катрин, корвет взял курс на север, потом повернул на запад и смело вошел в пролив между Серком и Джерсеем, известный под именем «Пролив бедствий». Ни на левом, ни на правом берегу в те времена маяков не было.

Солнце давно уже село; ночь выдалась темная, темнее, чем обычно в летнюю пору; вот-вот должна была появиться луна, но тяжелые тучи – редкое явление в период солнцестояния и частое в дни равноденствия – затянули небосвод, и, судя по всем признакам, луна могла проглянуть, лишь склонившись к горизонту, то есть перед самым заходом. Тучи нависали все ниже, обволакивая морскую гладь пеленой тумана.

Эта темень как нельзя более благоприятствовала «Клеймору».

В намерения лоцмана Гакуаля входило оставить Джерсей слева, а Гернсей справа и, смелым маневром пройдя между Гануа и Дуврами, достичь любой бухты на побережье Сен-Мало, другими словами, он избрал путь хотя и более длинный, чем на Менкье, зато и более безопасный, ибо французская эскадра, следуя приказу, особенно зорко охраняла берега между Сент-Элье и Гранвилем.

При попутном ветре, если ничего не произойдет, если можно будет поставить все паруса, Гакуаль надеялся достичь французского берега еще на рассвете.

Все шло благополучно, корвет обогнул мыс Гро-Нэ; однако к девяти часам вечера погода, по выражению моряков, зашалила: начался ветер, и поднялась волна; но ветер был попутный, а волна хоть и разгулялась, но не бушевала. Все же при особенно сильном ударе о нос корвета волны хлестали за борт.

Мужик, коего лорд Балькаррас именовал «генералом», а принц Овернский «кузенком», обладал, что называется, «морскими ногами»; он спокойно и важно, будто не замечая качки, расхаживал по палубе. Время от времени он вынимал из кармана куртки плитку шоколада, отламывал кусочек и клал в рот; этот седовласый старец сохранил все зубы до единого.

Он ни с кем не вступал в беседу, только изредка бросал вполголоса и отрывисто несколько слов капитану, который выслушивал его замечания с почтительным видом, словно не он, капитан, а загадочный пассажир был подлинным командиром корабля.

Подчиняясь руке опытного лоцмана, «Клеймор» прошел незамеченным в тумане вдоль длинного крутого северного берега Джерсея, держась как можно ближе к суше, чтобы не натолкнуться на грозный риф Пьер-де-Лик, лежащий в самой середине пролива между Джерсеем и Серком. Гакуаль, не покидая руля, время от времени выкрикивал названия оставшихся позади рифов – Грев-де-Лик, Гро-Нэ, Племон – и вел корвет среди разветвленной их гряды почти ощупью, но уверенно, будто находился у себя дома, будто ему были открыты все тайны океана. Фонарь на носу корвета не зажгли, опасаясь обнаружить свое присутствие в этих зорко охраняемых водах. Все благословляли туман. Уже миновали Гранд-Этап, и сквозь туманную пелену еле обозначался высокий силуэт Пинакля. На колокольне Сент-Уэн пробило десять, и на корвете отчетливо прозвучал каждый удар – верный знак того, что ветер дует в корму. Все по-прежнему шло хорошо, только волнение усилилось, как и обычно вблизи Корбьера.

В начале одиннадцатого часа граф дю Буабертло и шевалье де Ла Вьевиль проводили старика в крестьянском наряде до его каюты, вернее, до капитанской каюты, предоставленной к услугам гостя. Уже приоткрыв дверь, старик вдруг остановился и сказал, понизив голос:

– Господа, вам не нужно напоминать, что тайна должна быть сохранена свято. Полное молчание до той минуты, пока не произойдет взрыв. Лишь вам одним здесь известно мое имя.

– Мы унесем его с собой в могилу, – ответил Буабертло.

– А я, – прервал старик, – не открою его даже в свой смертный час.

И он вошел в каюту.

III. Знать и простолюдины в смешении

Капитан и его помощник поднялись на палубу и зашагали рядом, о чем-то беседуя. Видимо, они говорили о пассажире, и вот каков был этот ночной разговор, заглушаемый ветром.

Дю Буабертло вполголоса сказал Ла Вьевиллю:

– Скоро мы увидим, каков он в роли вождя.

Ла Вьевиль возразил:

– Что бы там ни было, он – принц.

– Как сказать!

– Во Франции – дворянин, в Бретани – принц.

– Точно так же, как Тремуйли и Роганы.

– Кстати, он с ними в свойстве.

Буабертло продолжал:

– Во Франции и на выездах у короля он маркиз, как я – граф и как вы – шевалье.

– Где теперь эти выезды! – воскликнул Ла Вьевиль. – Началось с кареты, а кончилось повозкой палача.

Наступило молчание.

Первым нарушил его Буабертло.

– За неимением французского принца приходится довольствоваться принцем бретонским.

– За неимением орла... и ворон хорош.

– Лично я предпочел бы ястреба, – возразил Буабертло.

На что Ла Вьевиль ответил:

– Еще бы! Клюв и когти.

– Увидим.

– Да, – произнес Ла Вьевиль, – давно пора подумать о вожде. Я вполне разделяю девиз Тентениака: «Вождя и пороха!» Так вот, капитан, я знаю приблизительно всех кандидатов в вожди, как пригодных для этой цели, так и вовсе непригодных, знаю вождей вчерашних, сегодняшних и завтрашних; ни в одном нет настоящей военной жилки, а она-то нам как раз и нужна. Что требуется для этой дьявольской Вандеи? Чтобы генерал был одновременно и испытанным крючкомвором: пусть изводит врага, пусть оттягает сегодня мельницу, завтра куст, послезавтра ров, простые бульжники и те пусть оттягает, пусть ставит ловушки, пусть все обращивает себе на пользу, пусть бдит, пусть крушит всех и вся, пусть примерно карает, пусть не знает ни сна, ни жалости. Сейчас в их мужицком воинстве есть герои, но военачальников нет. Д'Эльбе – полнейшее ничтожество, Лескюр болен, Боншан миндальничает; он добряк, что уж совсем глупо. Ларошжакелен незаменим на вторых ролях; Сильз хорош лишь для регулярных действий и негоден для партизанской войны; Кателино – простодушный ломовик; Стоффле – проницательный лесной сторож, Берар бездарен, Буленвилье – шут гороховый, Шаретт страшен. Я не говорю уже о нашем цирюльнике Гастоне. В самом деле, не понимаю, почему мы, в конце концов, поносим революцию: так ли уж велико различие между республиканцами и нами, коль скоро у нас дворянами командуют господа брадобреи?

– А все потому, что эта проклятая революция и нас самих тоже портит.

– Да, тело Франции разъедено проказой.

– Проказой третьего сословия, – подхватил дю Буабертло. – Одна надежда на помощь Англии.

– И она поможет, не сомневайтесь, капитан.

– Поможет завтра, а худо-то уже сегодня.

– Согласен, изо всех углов лезет смерд; раз монархия назначает главнокомандующим Стоффле, лесника господина де Молеврие, нам нет никаких оснований завидовать республике, где в министрах сидит Паш, сын швейцара герцога де Кастри. Да, в вандейской войне произойдут презабавные встречи, – с одной стороны – пивовар Сантерр, с другой – цирюльник Гастон.

– А знаете, дорогой Вьевиль, я ценю Гастона. Он неплохо показал себя, когда командовал войсками при Гименэ. Без дальних слов велел расстрелять триста синих да еще приказал им предварительно вырыть себе братскую могилу.

– Что ж, в добрый час, но и я бы с этим делом не хуже его справился.

– Конечно, справились бы. Да и я тоже.

– Великие военные деяния требуют в качестве исполнителя человека благородной крови, – продолжал Ла Вьевиль. – Такие деяния по плечу рыцарям, а не цирюльникам.

– Однако ж и в третьем сословии встречаются приличные люди, – возразил дю Буабертло. – Вспомните хотя бы часовщика Жоли. Во Фландрском полку он был простым сержантом, а сейчас он вождь вандейцев, командует одним из береговых отрядов, у него сын республиканец; отец служит у белых, сын у синих. Встречаются. Дерутся. И вот отец берет сына в плен и стреляет в него в упор.

– Вот это хорошо, – подтвердил Ла Вьевиль. . .

– Настоящий Брут, Брут-роялист, – сказал дю Буабертло.

– И все-таки тяжело идти в бой под командованием разных Кокро, Жан-Жанов, каких-то Муленов, Фокаров, Бужю, Шуппов.

– То же чувство, дражайший шевалье, испытывают и в другом лагере. В наших рядах сотни буржуа, в их рядах сотни дворян. Неужели вы полагаете, что санкюлоты в восторге от того, что ими командуют граф де Канкло, виконт де Миранда, виконт де Богарне, граф де Валанс, маркиз де Кюстин и герцог Бирон?

– Да, путаница изрядная.

– Не забудьте еще герцога Шартрского!

– Сына Филиппа Эгалитэ. Когда он, по-вашему мнению, станет королем?

– Никогда.

– А все же он подымается к трону. Его возносят его собственные преступления.

– И тянут вниз собственные пороки, – добавил дю Буабертло.

Вновь воцарилось молчание, которое прервал капитан:

– А ведь он был бы весьма не прочь пойти на мировую. Приезжал нарочно повидаться с королем. Я как раз находился в Версале, когда ему плюнули вслед.

– С главной лестницы?

– Да.

– И хорошо сделали.

– У нас его прозвали Бурбон-Бубон.

– Очень метко, плешивый, прыщавый, царубийца, фу, пакость какая! – И Ла Вьевиль добавил: – Мне довелось быть с ним в бою при Уэссане.

– На корвете «Святой дух»?

– Да.

– Если бы он держался на ветре, следуя сигналу адмирала д'Орвилье, англичане ни за что бы не прорвались.

– Совершенно справедливо.

– А правда, что он со страха забился в трюм?

– Болтовня. Но такой слух распространить невредно.

И Ла Вьевиль громко расхохотался.

– Есть еще на свете дураки, – продолжал капитан. – Возьмите хотя бы того же Буленвилье, о котором вы сейчас говорили. Я его знал, нагляделся на него. Сначала крестьяне были

вооружены пиками, а он забрал себе в голову превратить их в отряды копейщиков. Решил обучить их действовать пикой по всем правилам, как положено в воинских уставах. Мечтал превратить этих дикарей в регулярное войско. Старался научить их всем видам построения батальонных каре. Обучал их старинному военному языку: вместо командира отделения говорил «капдэскадр», как называли капралов во времена Людовика Четырнадцатого. Вбил себе в голову мысль создать регулярную часть – из этих-то браконьеров; сформировал роты, и сержантам полагалось каждый вечер становиться в кружок; сержант шефской роты сообщал на ухо сержанту второй роты пароль и отзыв, тот передавал их тем же путем соседу, тот следующему и так далее. Он разжаловал офицера за то, что тот, получая от сержанта пароль, не встал и не снял шляпу. Судите сами, что там творилось. Этот дуралей никак не мог понять одного: мужики хотят, чтобы ими и командовали по-мужичьи, и что нельзя приучить к казарме того, кто привык жить в лесу. Поверьте, я знаю вашего Буленвилье.

Они молча сделали несколько шагов, думая каждый о своем.

Затем разговор возобновился.

– Кстати, подтвердились слухи о том, что Дампьер убит?

– Подтвердились, капитан.

– На подступах к Конде?

– В лагере Памар. Пушечным ядром.

Дю Буабертло вздохнул:

– Граф Дампьер! Вот еще один из наших, который перешел на их сторону.

– Ну и черт с ним! – сказал Ла Вьевиль.

– А где их высочества принцессы?

– В Триесте.

– Все еще в Триесте?

– Все еще там.

И Ла Вьевиль воскликнул:

– Ах, эта республика! Сколько бед и из-за чего! И подумать только, что революция началась из-за дефицита в несколько несчастных миллионов!

– Ничтожные причины самые опасные, – возразил Буабертло.

– Все идет к черту, – сказал Ла Вьевиль.

– Согласен. Ларуари умер, дю Дрене – совершенный дурак. А возьмите наших пастырей Печального Образа, всех этих вожаков, всех этих Куси, епископа Рошельского, возьмите Бопуаля Сент-Олэра, епископа Пуатье, Мерси, епископа Люсонского, любовника госпожи де Лэшасери...

– Которая, да было бы вам известно, капитан, зовется Серванто. Лэшасери – название ее поместий.

– А этот лжеепископ из Агры, этот кюре неизвестно даже какого прихода.

– Прихода Доль. А звать его Гийо де Фольвиль. Он, кстати сказать, человек очень храбрый и умеет драться.

– Нам нужны солдаты, а вовсе не попы! Да еще епископы, которые вовсе и не епископы даже! И генералы, которые вовсе и не генералы!

Ла Вьевиль прервал капитана:

– Есть у вас в каюте последний номер «Монитера»?

– Есть.

– Интересно, что нынче дают в Париже?

– «Адель и Полэн» и «Пещеру».

– Вот бы посмотреть!

– Еще посмотрите. Через месяц мы будем в Париже. – И после минутного раздумья дю Буабертло добавил: – Или чуть позднее. Господин Уиндхэм сказал это лорду Гуду.

– Значит, капитан, наши дела не так еще плохи?

– Все будет хорошо, черт возьми, только в Вандее надо воевать лучше.

Ла Вьевиль, покачав головой, спросил:

– Скажите, капитан, высадим мы морскую пехоту?

– Высадим, если побережье за нас, и не высадим, если оно нам враждебно. Ведя войну, иной раз надо вламываться прямо в двери, а другой раз полезнее проскользнуть бочком в щелку. Когда в стране идет гражданская война, необходимо держать наготове отмычку. Постараемся сделать все, что возможно. Но главное – вождь. – И Буабертло задумчиво добавил: – Скажите, Ла Вьевиль, что вы думаете о Дъези?

– О младшем?

– Да.

– В качестве военачальника?

– Да.

– Он годен лишь для регулярных действий и открытого боя. А здешние дебри признают только крестьянина.

– Следовательно, придется вам довольствоваться генералами Стоффле и Кателино.

Подумав с минуту, Ла Вьевиль сказал:

– Тут нужен принц. Французский принц, принц крови. Словом, настоящий принц.

– Почему же? Недаром говорится, раз принц...

– Значит, трус. Знаю, знаю, капитан. Но все равно принц необходим, хотя бы для того, чтобы поразить воображение этого мужичья.

– Но, дорогой шевалье, принцы что-то не спешат.

– Обойдемся и без них.

Дю Буабертло машинально потер ладонью лоб, словно это помогало пробиться наружу нужной мысли, и произнес:

– Что ж, придется испытать нашего генерала.

– Во всяком случае, он чистокровный дворянин.

– Значит, по-вашему, он подойдет?

– Если только окажется хорош, – ответил Ла Вьевиль.

– То есть беспощаден, – уточнил дю Буабертло.

Граф и шевалье переглянулись.

– Господин дю Буабертло, вы сказали сейчас нужное слово. Да, беспощадный, именно это нам и требуется. Наша война не ведает жалости. Пришел час кровожадных. Цареубийцы отрубили голову Людовику Шестнадцатому, мы четвертуем цареубийц. Да, нам нужен генерал, генерал Палач. В Анжу и в Верхнем Пуату командиры играют в добряков, по уши увязли в великодушии, и, как видите, толку никакого. А в Марэ и в Ретце командиры умеют быть жестокосердными, и все идет отлично. Только потому, что Шаретт жесток, он держится против Паррена. Одна гиена стоит другой.

Буабертло не успел ответить. Последние слова Ла Вьевиля заглушил отчаянный крик, сопровождаемый шумом, не похожим на все существующие шумы. Крики и шум доносились с нижней палубы.

Капитан и помощник бросились туда, но не смогли пробиться. Орудийная прислуга в ужасе лезла вверх по трапу.

Произошло нечто ужасное.

IV. Tormentum belli¹

Одна из каронад, входящих в состав батареи, – двадцатичетырехфунтовое орудие, – сорвалась с цепей.

Не может быть на море катастрофы грознее. И не может быть бедствия ужаснее для военного судна, идущего полным ходом в открытое море.

Пушка, освободившаяся от оков, в мгновение ока превращается в некоего сказочного зверя. Мертвая вещь становится чудовищем. Эта махина скользит на колесах, приобретая вдруг сходство с бильярдным шаром, кренится в ритм бортовой качки, ныряет в ритм качки килевой, бросается вперед, откатывается назад, замирает на месте и, словно подумав с минуту, вновь приходит в движение; подобно стреле, она проносится от борта к борту корабля, кружится, подкрадывается, снова убегает, становится на дыбы, сметает все на своем пути, крушит, разит, несет смерть и разрушение. Это таран, который бьет в стену по собственной прихоти. Добавьте к тому же – таран чугунный, а стена деревянная. Это освобождает себя материя, это как бы мстит человеку его извечный раб, будто вся злоба, что живет в «неодушевленных», как мы говорим, предметах, разом вырывается наружу; это она, слепая материя, потеряв терпение, мрачно берет реванш, и нет ничего беспощаднее ее гнева. Эта осатаневшая глыба вдруг приобретает гибкость пантеры, она тяжеловесна, как слон, проворна, как мышь, неумолима, как взмах топора, изменчива, как морская зыбь, неожиданна, как зигзаг молнии, глуха, как могильный склеп. Весу в ней десять тысяч фунтов, а скачет она с легкостью детского мяча. Вихревое круговращение и резкие повороты под прямым углом. Что делать? Как с ней справиться? Буря утихнет, циклон пронесется мимо, ветер уляжется, взамен сломанной мачты вырастет новая, пробоину, куда хлещет вода, задраят, пламя потушат, но как обуздать этого бронзового хищника? Как к нему подступить? Можно лаской уговорить свирепого пса, можно ошеломить быка, усыпить удава, обратить в бегство тигра, смягчить гнев льва; но все бессильно против этого чудовища – против сорвавшейся с цепей пушки. Убить вы ее не можете – она и так мертва; и в то же время она живет. Живет своей зловещей жизнью, которую ей уготовила бесконечность. Пол ей не опора, он лишь подбрасывает ее. Ее раскачивает корабль, корабль раскачивают волны, а волны раскачивает ветер. Она убийца и в то же время игрушка в чужих руках. Она сама во власти корабля, волн, ветра, у них заимствует она свое наводящее ужас бытие. Как разъять звенья этой цепи? Как обуздать этот чудовищный механизм катастрофы? Как предугадать кривую бега, повороты, резкие остановки, внезапные удары? Каждый такой удар по борту может стать причиной крушения. Как разгадать хитрости каронады? Ведь это словно выпущенный из жерла снаряд, который заупрямился, задумал что-то свое и ежесекундно меняет на ходу данное ему первоначально направление. Как же остановить его, если к нему опасно приблизиться? Страшное орудие ярится, бросается напролом, отступает вспять, разит налево, разит направо, бежит, проносится мимо, путает все расчеты, сметает все препятствия, давит людей, как мух. И трагизм положения усугубляется еще тем, что пол ни на минуту не остается в покое. Как вести бой на наклонной плоскости, которая норовит ускользнуть из-под ваших ног? Представьте, что во чреве судна заточена молния, ищущая выхода, гром, гремящий в минуту землетрясения.

Через секунду весь экипаж был на ногах. Виновником происшествия оказался канонир, который небрежно завинтил гайку пушечной цепи и не закрепил как следует четыре колеса; вследствие этого подушка ездил по раме, станок расшатался, и в конце концов бренок ослаб. Пушка неустойчиво держалась на лафете, ибо канат лопнул. В ту пору еще не вошел в упо-

¹ Орудие войны (лат.).

требление постоянный бряк, тормозящий откат орудия. В ставень порты ударила волна, плохо прикрепленная каронада откатилась, порвав цепь, и грозно двинулась по нижней палубе.

Чтобы лучше представить себе это удивительное скольжение, вспомните, какой извилистый путь пролагает себе на оконном стекле дождевая капля.

В ту минуту, когда лопнула цепь, все канониры находились при батарее. Кучками по несколько человек или в одиночку они выполняли ту работу, которая требуется от каждого моряка в предвидении боевой тревоги. Повинуясь килевой качке, каронада ворвалась в толпу людей и первым же ударом убила четырех человек, потом, послушная боковой качке, отпрянула назад, перерезала пополам пятую жертву и сбила с лафета одно из орудий левого борта. Вот почему на верхней палубе Буабертло и Ла Вьевиль услышали такой отчаянный крик. Вся прислуга бросилась к трапу. Батарея сразу опустела.

Огромное орудие осталось одно. Осталось на свободе. Оно стало само себе господином, а также господином всего корабля. Оно могло сделать с ним все, что заблагорассудится. Экипаж «Клеймора», с улыбкой встречавший вражеские ядра, задрожал от страха. Невозможно передать ужас, охвативший все судно.

Капитан дю Буабертло и его помощник Ла Вьевиль – два отважных воина – остановились на верхней ступеньке трапа и, поблднев как полотно, молча смотрели вниз, не решаясь действовать. Вдруг кто-то, отстранив их резким движением локтя, спустился на батареиную палубу.

Это был пассажир, прозванный Мужиком, о котором они говорили за минуту до происшествия.

Добравшись до последней ступеньки трапа, он тоже остановился.

V. Vis et vir²

Пушка беспрепятственно разгуливала по нижней палубе. Невольно приходила на мысль ожившая колесница Апокалипсиса. Фонарь, раскачивавшийся под одним из бимсов, еще усугублял фантастичность этой картины головокружительной сменой света и тени. Пушка то попадала в полосу света, вся ярко-черная, то скрывалась во мраке, тускло и белесо поблескивая оттуда, и вихревой бег скрадывал ее очертания.

Каронада продолжала справляться с кораблем. Она разбила еще четыре орудия и в двух местах повредила обшивку корабля, к счастью выше ватерлинии, но при шквальном ветре в пробоины могла хлынуть вода. С какой-то неестественной яростью обрушивалась каронада на корпус судна, тимберсы еще держались, так как изогнутое дерево обладает редкой прочностью, но даже и они начали предательски трещать, словно под ударами исполинской дубины, которая била направо, налево, во все стороны одновременно, являя собой удивительный образ вездесущности. Представьте себе дробинку, которую трясут в пустой бутылке; даже выписываемые ею кривые и те уступают в своей быстроте и неожиданности прыжкам чудовища. Четыре колеса каронады многократно прошли по телам убитых ею людей, рассекли их на части, измололи, искромсали на десятки кусков, которые перекатывались по нижней палубе; казалось, мертвые головы вопят; ручейки крови то и дело меняли свое направление в зависимости от качки. Внутренняя обшивка корвета, поврежденная во многих местах, начинала поддаваться. Все судно сверху донизу наполнял дьявольский грохот.

Капитан быстро обрел свое обычное хладнокровие, и по его приказанию через люк стали швырять вниз все, что могло задержать или хотя бы замедлить бешеный бег каронады, – матрасы, койки, запасные паруса, бухты тросов, матросские мешки и кипы с фальшивыми ассиг-

² Сила и мужество (лат.).

натами, которыми были завалены все трюмы корвета, ибо эта подлая выдумка англичан считалась законным приемом войны.

Но какую пользу могло принести все это тряпье? Ведь никто не решался спуститься и разместить как надо сброшенные вниз предметы! И через несколько минут вся нижняя палуба белела, словно ее усеяли мельчайшие обрывки корпии.

Море волновалось ровно настолько, чтобы усугубить размеры бедствия. Сильная буря пришлось бы кстати: налетевший ураган мог бы перевернуть пушку колесами вверх, а тогда уже укротить ее не составило бы труда.

Тем временем разрушения становились все серьезнее. Уже треснули и надломились мачты, которые, опираясь о киль корабля, проходят через все палубы, наподобие толстых и круглых колонн. Под судорожными ударами пушки фок-мачта дала трещину и начала поддаться грот-мачта. Батарея пришла в полное расстройство. Десять орудий из тридцати выбыли из строя; с каждой минутой увеличивалось число пробоин в обшивке корвета, и он дал течь.

Старик пассажир застыл на нижней ступеньке трапа, словно каменное изваяние. Суровым взглядом следил он за разрушениями. Но не двигался с места. Казалось, было выше сил человека сделать хоть шаг по батарейной палубе.

Каждый поворот непокорной каронады приближал гибель судна. Еще минута-другая – и кораблекрушение неминуемо.

Приходилось или погибнуть, или предотвратить катастрофу, что-то предпринять. Но что?

Да, неутомимый боец эта пушка!

Требовалось остановить эту обезумевшую глыбу металла.

Требовалось схватить на лету эту молнию.

Требовалось обуздать этот шквал.

Буабертло обратился к Ла Вьевиллю:

– Вы верите в Бога, шевалье?

Ла Вьевиль ответил:

– Да. Нет. Иногда верю.

– Во время бури?

– Да. И в такие вот минуты – тоже.

– Вы правы, только Господь Бог может нас спасти, – промолвил Буабертло.

Все молча следили за лязгающей и гремящей каронадой.

Волны били в борт корабля, – на каждый удар пушки отвечало ударом море. Словно два молота состязались в силе.

Вдруг на этой неприступной арене, где на свободе металась пушка, появился человек с металлическим брусом в руках. Это был виновник катастрофы, канонир, повинный в небрежности, приведшей к бедствию, хозяин каронады. Содеяв зло, он решил его исправить. Зажав в одной руке ганшпуг, а в другой конец с затяжной петлей, он ловко соскочил через люк прямо на нижнюю палубу.

И вот начался страшный поединок – зрелище поистине титаническое: борьба пушки со своим канониром, битва материи и разума, бой неодоушевленного предмета с человеком.

Человек притаился в углу, держа наготове ганшпуг и конец; прислонившись спиной к тимберсу, прочно стоя на крепких, словно стальных, ногах, смертельно бледный, трагически спокойный, словно вросший в палубу, он ждал.

Он ждал, чтобы пушка пронеслась мимо него.

Канонир знал свою каронаду, и, как ему казалось, она также должна его знать. Долгое время прожил он с нею рядом. Десятки раз вкладывал он руку ей в пасть! Пушка была зверем, но зверем ручным. И он заговорил с нею, словно подзывая собаку. «Иди, иди сюда», – повторял он. Может быть, он даже любил ее.

Казалось, он желал, чтобы она подошла к нему.

Но подойти к нему – значило пойти на него. И тогда он погиб. Как избежать смерти под ее колесами? Вот в чем заключалась вся трудность. Присутствующие, оцепенев от ужаса, не спускали глаз с канонира.

Дыхание спирало у каждого в груди, и, быть может, только старик пассажир – мрачный секундант ужасного поединка – дышал ровно, как всегда.

Его тоже могла раздавить пушка, но он даже не пошевелился.

Под их ногами слепая стихия сама руководила боем.

В ту минуту, когда канонир, решив вступить в грозную рукопашную схватку, бросил вызов своей каронаде, морское волнение случайно затихло, и каронада на миг остановилась, будто в раздумье. «Поди ко мне», – говорил ей человек. И пушка будто прислушивалась к его словам.

Вдруг она ринулась на человека. Человек отпрянул и избежал удара.

Завязалась борьба. Неслышанная борьба. Хрупкая плоть схватилась с неуязвимым металлом. Человек-укротитель пошел на стального зверя. На одной стороне – сила, на другой – душа.

Битва происходила в полумраке. Там возникало едва различимое сверхъестественное видение.

Душа; как ни странно, но казалось, что у пушки тоже была своя душа; правда, душа, исполненная ненависти и злобы. Незрячая бронза словно обладала парой глаз. И словно подстерегала человека. Можно было подумать, что у этой махины имелись свои коварные замыслы. Она тоже ждала своего часа. Какое-то небывало огромное чугунное насекомое было наделено сатанинской волей. Временами этот гигантский кузнечик, подпрыгнув, задевал низкий потолок палубы, потом прыдал на все четыре колеса, как тигр после прыжка опускается на все четыре лапы, и кидался в погоню за человеком. А человек, изворотливый, проворный, ловкий, скользил ужом, стараясь избежать удара молнии. Ему удавалось уклониться от опасных встреч, но удары, предназначенные канониру, доставались кораблю, и разрушение продолжалось.

За пушкой волочился обрывок порванной цепи. Цепь непонятным образом обмоталась вокруг винта казенной части. Один конец цепи оказался закрепленным на лафете, а другой, свободный конец вращался как бешеный вокруг пушки, отчего прыжки ее становились еще опаснее. Винт держал этот обрывок плотно зажатым, словно в кулаке, каждый удар тарана-пушки сопровождался ударом бича-цепи; вокруг пушки крутился страшный вихрь, будто железная плеть в медной длани. Битва от этого становилась еще опаснее.

И все же человек упорно боролся. Минутами не пушка нападала на человека, а человек переходил в наступление; он крался вдоль борта, держа в руке брус и конец троса, но пушка словно разгадывала его замысел и, почуяв засаду, ускользала. А человек, ужасный в пылу битвы, боролся за ней следом.

Так не могло длиться вечно. Пушка вдруг точно решила: «Довольно! Пора кончать!» – и остановилась. Зрители поняли, что развязка близится. Каронада застыла на мгновение, как бы в нерешительности, и вдруг приняла жестокое решение, ибо в глазах всех она стала мыслящим существом. Она вдруг бросилась на канонира. Канонир ловко увернулся от удара, пропустил ее мимо себя и, смеясь, крикнул вслед: «Не вышло, разиня!» В ярости пушка подбила еще одну из каронад левого борта, затем снова, как пущенная из невидимой пращи, метнулась к правому борту, но человеку вновь удалось избежать опасности. Зато рухнули под ее мощным ударом еще три каронады; потом, будто слепая, не зная, на что еще решиться, она повернулась и покатила назад, подсекла форштевень и пробила борт в носу корвета. Человек, ища защиты, укрылся возле трапа, в нескольких шагах от старика секунданта. Канонир держал наготове свой брус. Пушка, очевидно, заметила его маневр и, даже не дав себе труда повернуться, ринулась задом на человека, быстрая, как взмах топора. Человек, прижавшийся к борту, был обречен. Все присутствующие громко вскрикнули.

Но старик пассажир, стоявший до этой минуты как каменное изваяние, вдруг бросился вперед, опередив соперничающих в быстроте человека и металл. Он схватил тюк с фальшивыми ассигнатами и, пренебрегая опасностью, ловко бросил его между колес каронады. Это движение, которое могло стоить ему жизни, решило исход битвы; даже человек, вполне усвоивший все приемы, которые предписываются Дюрозелем в его книге «Служба при судовых орудиях», и тот не мог бы действовать более точно и умело.

Брошенный тюк сыграл роль буфера. Незаметный камешек предотвращает падение глыбы, веточка иной раз задерживает лавину. Каронаду пошатнуло. Тогда канонир в свою очередь воспользовался этой грозной заминкой и всадил брус между спицами одного из задних колес. Пушка замерла на месте.

Она накренилась. Действуя брусом как рычагом, человек налег всей своей тяжестью на свободный конец. Машина тяжело перевернулась, прогудев на прощание, как рухнувший с колокольни колокол, а человек, обливаясь потом, забросил затяжную петлю на глотку поверженной к его ногам бездыханной бронзе.

Все было кончено. Победителем вышел человек. Муравей одолел мастодонта, пигмей полонил громы небесные.

Солдаты и матросы захлопали в ладоши.

Весь экипаж бросился к орудию с тросами и цепями, и в мгновение ока его принайтовили.

Канонир склонился перед пассажирами и сказал:

– Сударь, вы спасли мне жизнь.

Но старик снова замкнулся в своем невозмутимом спокойствии и ничего не ответил.

VI. На чаше весов

Победил человек, но с тем же основанием можно было сказать, что победила и пушка. Правда, непосредственная опасность кораблекрушения миновала, но, однако ж, корвет не был окончательно спасен. Вряд ли представлялось возможным исправить нанесенные повреждения. В борту насчитывалось пять пробоин, при этом самая большая – в носовой части судна; из тридцати каронад двадцать лежали на лафетах мертвой грудой металла. Да и сама укрошенная и вновь посаженная на цепь пушка тоже вышла из строя: ее подъемный винт был погнут, из-за чего стала невозможной точная наводка. Батарея теперь состояла всего из девяти действующих орудий. В трюм набралась вода. Необходимо было принять срочные меры для спасения корабля и пустить в ход насосы.

Нижняя палуба, доступная теперь для осмотра, являла поистине плачевное зрелище. Взбесившийся слон и тот не мог бы так изломать свою клетку.

Как ни важно было для корвета пройти незамеченным, еще важнее было предотвратить неминуемое крушение. Пришлось осветить палубу, прикрепив фонари к борту.

Пока длилась трагическая борьба, от исхода которой зависела жизнь и смерть экипажа, никто не обращал внимания на то, что творилось в море. Тем временем сгустился туман, погода резко переменилась, ветер свободно играл кораблем; выйдя из-под прикрытия Джерсея и Гернсея, судно отклонилось от курса и оказалось значительно южнее, чем следовало; теперь корвет находился лицом к лицу с разбушевавшейся стихией. Огромные валы лизали зияющие раны корабля, и как страшна была эта грозная ласка! Баюкающая зыбь таила в себе опасность. Слабый ветер переходил в штормовой. Нахмурившийся горизонт сулил шторм, а быть может, и ураган. Взор различал в потемках лишь три-четыре ближайшие гребня волн.

Пока весь экипаж спешно исправлял наиболее серьезные повреждения на нижней палубе, пока заделывали пробоины, расставляли по местам уцелевшие орудия, старик пассажир выбрался на верхнюю палубу.

Он стоял неподвижно, прислонившись к грот-мачте.

Погруженный в свои думы, он не замечал движения, начавшегося на судне. Шевалье Ла Вьевиль приказал солдатам морской пехоты выстроиться в две шеренги по обе стороны гот-мачты; услышав свисток боцмана, матросы, рассыпавшиеся по реям, бросили работу и застыли на местах.

Граф дю Буабертло подошел к пассажиру.

Вслед за капитаном шагал какой-то человек в порванной одежде, растерянный, задыхающийся, и все же вид у него был довольный.

То был канонир, который только что и весьма кстати показал себя искусным укротителем чудовищ и одолел взбесившуюся пушку.

Граф отдал старику в крестьянской одежде честь и произнес:

– Господин генерал, вот он.

Канонир стоял по уставу навытяжку, опустив глаза.

Граф дю Буабертло добавил:

– Генерал, не считаете ли вы, что командиры должны отметить чем-нибудь поступок этого человека?

– Считаю, – сказал старец.

– Соболаговолите отдать соответствующие распоряжения, – продолжал дю Буабертло.

– Отдайте сами. Ведь вы капитан.

– А вы генерал, – возразил дю Буабертло.

Старик, бросив на канонира быстрый взгляд, приказал:

– Подойди сюда.

Канонир сделал шаг вперед.

Старик повернулся к графу дю Буабертло, снял с груди капитана крест Святого Людовика и прикрепил его к куртке канонира.

– Ур-ра! – прокричали матросы.

Солдаты морской пехоты взяли на караул.

Но старый пассажир, указав пальцем на сиявшего от счастья канонира, добавил:

– А теперь расстрелять его.

Радостные клики смолкли, уступив место угрюмому оцепенению.

Тогда среди воцарившейся мертвой тишины раздался громкий голос старика:

– Из-за небрежности одного человека судну грозит опасность. Кто знает, удастся ли спасти его от крушения. Быть в открытом море – значит быть лицом к лицу с врагом. Корабль в плавании подобен армии в бою. Буря притаилась, но она всегда рядом. Море – огромная ловушка. Смертной казни заслуживает тот, кто допустил оплошность перед лицом врага. Всякая оплошность непоправима. Мужество достойно вознаграждения, а небрежность достойна кары.

Эти слова падали в тишине медленно и веско, с той неумолимой размеренностью, с которой топор удар за ударом врывается в ствол дуба.

И, властно взглянув на солдат, старик добавил:

– Выполняйте приказ.

Человек, на лацкане куртки которого блеснул крест Святого Людовика, потупил голову.

По знаку графа дю Буабертло два матроса спустились на нижнюю палубу и принесли оттуда морской саван; корабельный священник, который с момента прибытия на судно не выходил из кают-компании, где он читал молитвы, шел за ними следом; сержант вызвал из рядов двенадцать человек и построил их по шестеро в две шеренги, канонир молча стал между ними. Священник, держа распятие в руке, выступил вперед и подошел к канониру.

– Шагом марш, – скомандовал сержант.

Взвод медленно двинулся к носу корабля. Два матроса, несшие саван, замыкали шествие.

Гнетущее безмолвие воцарилось на корвете. Слышались только далекие завывания бури.

Через несколько мгновений раздался залп, блеснул во мраке огонь выстрелов, потом все смолкло, и лишь всплеск воды, принявшей труп в свое лоно, нарушил тишину.

Старик пассажир по-прежнему стоял в раздумье, прислонясь к грот-мачте и скрестив на груди руки.

Буабертло указал на него пальцем и, обращаясь к Ла Вьевиллю, вполголоса произнес:
– Отныне у Вандеи есть глава.

VII. Поднявший парус бросает жребий

Но какая участь ожидала корвет?

Тучи, еще с вечера льнувшие к волнам, теперь почти слились с водой и заслонили весь горизонт, окутав море плотной завесой. Куда ни кинешь взгляд – всюду туман. Даже для неповрежденного корабля такое положение чревато опасностями.

К туману присоединилось волнение.

На корвете не теряли зря времени; судно постарались облегчить, выбросив за борт все, что удалось собрать после разгрома, учиненного каронадой, – поврежденные орудия, разбитые лафеты, смятые или оторванные тимберсы, бесформенные обломки дерева и металла; орудийные порты открыли и, приставив к ним доски, опустили в бушующее море искалеченные трупы, завернутые в парусину.

Море становилось все грознее. Не то чтобы неминуемо должна была разразиться буря; наоборот, казалось, где-то далеко за горизонтом стихает ураган и шквал пронесется севернее; но по-прежнему высоко вздымались валы, верный признак неровного дна, и не такому израненному судну, как «Клеймор», было устоять против напора волн; любая могла стать причиной его гибели.

Гакуаль задумчиво стоял у руля.

Бестрепетно смотреть в лицо опасности – таков обычай капитанов.

Ла Вьевиль, человек, не теряющий веселости даже в беде, подошел к Гакуалю.

– Ну что, лоцман, – сказал он, – ураган, как видно, не состоялся. Как ни тужился, чихнуть не смог. Теперь мы выкарабкаемся. Ветер, конечно, будет. Но не более того.

Гакуаль серьезно ответил:

– Где ветер, там и волна.

Ни улыбки, ни тревоги – таков уж истинный моряк. Однако смысл его слов вселял беспокойство. Судно, давшее течь, боится волны, ибо оно может пойти ко дну. Как бы желая придать больше веса своему предсказанию, Гакуаль слегка нахмурил брови. Должно быть, в душе он считал, что после трагического происшествия с пушкой и канониром Ла Вьевиль слишком рано заговорил в таком небрежном, даже легкомысленном тоне. Есть слова, приносящие в плавании беду. У моря свои тайны, и кто знает, что заблагорассудится ему сотворить. С ним нужно быть начеку.

Ла Вьевиль, почувствовав, что надо переменить тон, спросил:

– Где мы сейчас, лоцман?

На что лоцман ответил:

– В руке Божией.

Лоцман – хозяин на корабле; надо всегда предоставлять ему свободу действовать, а иногда и свободу говорить.

Впрочем, лоцманская братия не многоречива. И Ла Вьевиль счел за благо отойти прочь.

Ла Вьевиль задал вопрос лоцману, а ответ ему дал сам горизонт.

Море вдруг очистилось.

Пелена тумана, цеплявшегося за волны, разодралась, все темное взбаламученное море до самого небосклона стало доступно глазу, и вот что увидел экипаж «Клеймора» в предрассветных сумерках.

Небеса прикрыло облачным сводом, но облака теперь не касались поверхности вод, восток прочертила бледная полоска, предвестница близкой зари, и точно такая же полоска появилась на западе, где заходила луна. И оба эти белесые просвета, блеснувшие друг против друга, узенькими, тускло светящимися ленточками протянулись между хмурившимся морем и сумрачным небом.

На фоне этих побелевших полосок неба прямо и недвижно вырисовывались черные силуэты.

На западе, освещенном заходящей луной, высоко вздымались три скалы, похожие на кельтские дольмены.

На востоке, на бледном предрассветном горизонте, виднелись восемь парусных судов, выстроенных в боевом порядке, и в самом их расположении чувствовался грозный умысел.

Три скалы были вершиною рифа; восемь парусов – французской эскадрой.

Итак, позади лежал Менкье, риф, пользующийся у моряков недоброй славой, впереди ждал французский флот. На западе – морская пучина, на востоке – кровавая резня; кораблекрушение или битва – иного выбора не было.

Для борьбы с рифом корвет располагал лишь продырявленным корпусом, пришедшими в негодность снастями и расшатанными в основании мачтами; для боя в его распоряжении были девять уцелевших орудий, вместо тридцати прежних, к тому же самые опытные канониры погибли.

Заря чуть брезжила на горизонте, и вокруг корвета по-прежнему лежала ночная мгла. Еще не скоро суждено было ей рассеяться, особенно теперь, когда густые тучи поднялись высоко, затянув все небо и несокрушимо плотным сводом встав над корветом.

Ветер, уносивший вдаль последние клочья тумана, гнал корабль прямо на Менкье.

Потрепанный и полуразрушенный корвет почти не слушался руля, он уже не скользил по поверхности вод, а нырял и, подгоняемый волной, покорно отдавался ее воле.

Менкье – зловещий риф – в те времена представлял собой еще большую опасность, чем в наши дни. Ныне море – неутомимый пыльщик – срезало большинство башен этой естественной морской цитадели; очертания скал и сейчас еще меняются, ведь не случайно по-французски слово «волна» имеет второй смысл – «лезвие»; каждый морской прибой равносителен надрезу пилы. В те времена наскочить на Менкье – значило погибнуть.

А восемь кораблей были той самой эскадрой Канкаля, что прославилась впоследствии под командованием капитана Дюшена, которого Лекинью окрестил Отцом Дюшеном.

Положение становилось критическим. Пока буйствовала сорвавшаяся с цепи каронада, корвет незаметно сбился с курса и был теперь ближе к Гранвилю, чем к Сен-Мало. Если даже судно не потеряло бы плавучести и могло бы идти под парусами, скалы Менкье все равно преграждали обратный путь на Джерсей, а вражеская эскадра преграждала путь во Францию.

Впрочем, буря так и не разыгралась. Зато, как и предсказал лоцман, разыгралась волна. Сердитый ветер гнал по морю крупные валы, угрюмо перекатывая их над неровным дном.

Море никогда сразу не выдает человеку своих намерений. Оно способно на все – даже на каверзу. Можно подумать, что ему знакомы иные тайны крючкотворства: оно наступает и отступает, оно щедро на посулы и легко отрекается от них, оно подготавливает шквал и отменяет его, оно заманивает в бездну и не разверзает бездны, оно грозит с севера, а наносит удар с юга. Всю ночь «Клеймор» шел в тумане под угрозой урагана; море отказалось от своего первоначального замысла, но отказалось весьма жестоко: посулив бурю, оно преподнесло вместо нее скалы. То есть заменило один способ кораблекрушения другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.